

ПОЭЗИЯ ПЕСЕН И ТАНЦЕВ

Искрометные танцы Грузии, ее прекрасные песни ундили и усыпывали москвичей и зарубежных гостей столицы, заполнившую Государственный Центральный концертный зал, где состоялся творческий отчет мастеров искусства и артистической молодежи республики, посвященный 70-летию Великого Октября.

На сцене Государственный заслуженный ансамбль песни и танца Грузии (художественный руководитель Д. Чкаловский, хореограф Р. Чохонелидзе). Звучат грузинские и азербайджанские народные песни и танцы. А потом на сцену вышли студенты Театрального института им. Ш. Руставели. Они с блеском показали пантомимы «Кримчанула», «Синема» и шутливую тему грузинской басни.

Вокально-инструментальный ансамбль «Иверия» (художественный руководитель А. Басилеев) и его коллеги Л. Урушадзе — прекрасные певицы и пантомимисты. Прекрасное исполнение оставили и «Джаз-хорала» — ансамбль Музыкального обще-

ства Грузии (художественный руководитель А. Кильдизе).

Песни советских композиторов исполнили Т. Гвердцители и В. Кикабидзе. Сердечно встретили зрителя юные участники конкурса — детский хорографический ансамбль «Зея» экспериментальной школы города Тбилиси (педагог Г. Гоготишвили и Г. Чачава).

Зрители по достоинству оценили мастерство грузинских артистов.

Гр. ГОГОБЕРИДЗЕ.

Фото С. Александрова.

Искусство Индии в Таджикистане

Цветами, улыбками и музыкой встремились таджикская столица приглашены в Душанбе участники Фестиваля Индии в СССР.

В Таджикистане искусство Индии пользуется особой любовью и популярностью. Это результат не только общности древних культур, но и давних традиций культурного обмена между Советским Таджикистаном и Индией.

Почти в течение месяца жители многих районов будут знакомиться с творчеством фольклорно-танцевальных групп, исполнителей классических танцев, странствующих певцов и музыкантов. В рамках фестиваля пройдут встречи гостей с работниками промышленных предприятий, студентами, колхозниками, деятелями искусства Таджикской ССР,

и с гостями из Азии. Алай — прекрасные певицы и пантомимисты. Приятное впечатление оставил и «Джаз-хорала» — ансамбль Музыкального обще-

ства Грузии (художественный руководитель А. Кильдизе).

Песни советских композиторов исполнили Т. Гвердцители и В. Кикабидзе. Сердечно встретили зрителя юные участники конкурса — детский хорографический ансамбль «Зея» экспериментальной школы города Тбилиси (педагог Г. Гоготишвили и Г. Чачава).

Зрители по достоинству оценили мастерство грузинских артистов.

Гр. ГОГОБЕРИДЗЕ.

Фото С. Александрова.

НА МОСКОВСКОМ ТЕЛЕФОРУМЕ

Осень — пора ярмарок. С разных, в том числе и международных. Не успела на ВДНХ закрыться Шестая книжная ярмарка, как вчера по соседству, в Концертной студии Останкино, открылась новая — телевизионной продукции. На выставке телевизионные, которые проводятся в 21-й раз, представлено более 500 работ, созданных в различных жанрах. Их представляют телевизионизмы, входящие в систему Интервидения, партнерам из других стран.

Программа Советского теле-

визионного вещания включает 106 произведений. Коллеги из западных телекомпаний смогут познакомиться со всем лучшим, что было сделано у нас за последние годы. Среди художественных фильмов — «Николай Ломоносов», среди музикальных — «Дебют», «Легенда вечера-68», телевизионный «Идилот», среди познавательных — серия «Союзники», документальные картины «Хроника Октября», «За власть Советов», «Первый диктор Советской власти», «Крайний прогресс: время перемен», «Майя Плисецкая». Как известно, на Западе па-

т. МАРТИНОВА.

Алтайский край.

ПЕРЕСТРОЙКА: СЛОВА И ДЕЛА

Получив «сигнал» о поведении Павла в общежитии (имеется в виду расхищение картины в комнате), здесь без всякого совета с первачкой комсомольской организацией вынесли строгий выговор с запечатием в учетную карточку «за политическую безграмотность, за действия, порочащие пионерскую комсомольскую и отменили из комитета комсомола и отменили из Тульского политехнического института».

А через пару недель Шашкова снова вызвали на заседание комитета, «инициировали» без всяких то оснований ему фотосъемку объектов на реновционном предприятии, и опять без группы пошли к нему и его товарищем по комитету ВЛКСМ факультета И. Лопатина оказалась в меньшинстве.

— Все происшедшее не случайно, — объяснил мне Игорь. — В практике комсомольской работы в вузе в последние годы возобладала «жесткая линия». Сплошные «строгачи», многих исключали из комсомола — так же поспешно, как и Пашу. Так что же все-таки происходит в институте?

ВЫРАЖАЯСЬ прошлым здравомыслием языком, «комитет комсомола института» повел решительную борьбу с негативными явлениями в студенческой среде. Лозунг сегодняшней, перестройки — «Комсомол должен быть чист в своих помыслах и делах, недостойный знания комсомольца не может оставаться в стенах института». И ведь действительно ищут недостойных и находят. Тем последние времена и занятия.

К сожалению, наши оценки далеко не всегда совпадают с позицией на этот счет комитета комсомола института.

Недавно посмотрели первоначальные дела и обнаружили, что половина из них вместо исключения из комсомола вынесением строгих выговоров. Мы боремся за то, чтобы студенчество стало действительно чистым, а не моральным единицами.

К сожалению, наши оценки далеко не всегда совпадают с позицией на этот счет комитета комсомола института.

Комсомольский секретарь института И. Кузнецов сообщил мне, что у половины факультетских секретарей — строгие выговоры. Сообщила с законным чувством гордости — мол, народ «триумфирует». Но я заметила, как непривычно его поразили слова, сказанные в первые занятия: «Старшие линии».

Сложно, без сомнений, не может оставаться в стенах института. И ведь действительно ищут недостойных и находят. Тем последние времена и занятия.

Шашков, вредно влиявший на студентов, — считает заведующий кафедрой, профессор Н. Усенко. — Помогите сформировать идеологию для воспитания подрастающих

и крачкой в пляжном одеянии лишь сигнал о моральном и политическом разложении студента. А свое «вражеское» нутро он обварил по-настоящему, проникнув на территорию режимного предприятия с фотоаппаратом. Комитет ВЛКСМ факультета, где учился Шашков, тоже было не до шуток.

Если бы «разбирались» — понеслось сутья депо, быть может, выяснили бы они немаловажные для воспитателей подробности жизни-бытий своих подопечных.

«Разбор» выдергал далее не все. Шесть человек отказались от своих подлинников, пятеро «поддержали».

Если бы «разбирались» — понеслось сутья депо, размышили бы они немаловажные для воспитателей подробности жизни-бытий своих подопечных.

Посмотрим на позиции педагогов, идеологических работников, администраторов-перегибина. И среди них современные, образованные, культурные люди — студенты и, что

всё было непривычно.

В этом старинном особняке, где в Детском переулке, среди барочных лепнины, где все привыкли к чинному протоколу и несколько потустороннему диспутированию о высоких материалах искусства.

«А ты готов к демократии?» — требовательно вопросы из лестницы. «Против» легче проголосовать, чем «за». И даже лица кандидатов и докторов наук выглядели странно преображенными и молодыми.

Г. ШАМОВ.

(Корр. ТАСС).

Подарок для себя

Очаровательный подарок преподнесли себе дагестанские гидростроители. В рабочих поселках Дубки из места бывшего клуба они построили новый спортивный комплекс. В нем несколько залов: игровой, теннисный, баскетбольный, тяжелой атлетики, шахмат и шашек. Здесь же трибуны для зрителей, комнаты отдыха, душевые.

Г. ШАМОВ.

(Корр. ТАСС).

Алтай — горы дружбы

Традиционным стали творческие контакты алтайских и монгольских мастеров художников.

Дружба эта родилась много лет назад. Почтили были единичные связи, но в 1982 году группа художников Алтая выехала в МНР, а из монгольские коллеги побывали в Горно-Алтайске, в городе Заринске, степных районах края. Итогом явилась совместная выставка, показанная в Москве. Улан-Батор — Алтай — Бага-Нур — Гоби. Работы были признаны неудовлетворительными. С тех пор в институте началось брожение — обсуждались теперь уже не стилистика фильма и не пластика, и не категории пространства и времени в эстетических искусствах, но самое насущное — связи науки и жизни. Оказалось, что поиски эти были параллельными, которые могли бы пересечься только в бесконечности. А сколько было написано диссертаций!

Однако же не коллектив института нашел в себе силы встремиться и после долгих дебатов выработать целую программу перестройки своей работы. Итогом ее и явился

выборы директора, на должность которого претендовали доктора искусствоведения А. Дубровин и К. Разлогов, а также известный профессор, доктор филологических наук А. Адамович.

После того как в коллективе прошла встреча со всеми тремя кандидатами и все могли ознакомиться с программой каждого из них, настало время голосования. На это заинтриговало внимание привлечение кандидата из-за имени — А. Адамовича. Помимо этого, как говорилось здесь, могло показаться кое-кому прекрасно знаменитым мечтательством — например, проблема концептуализации. Но ведь правильно когда-то говорил Чернышевский о том, что надо стремиться как можно дальше от будущего (и здесь требуетя через соображения своего личного благополучия) и не только для института в целом, и для всего нашего искусства.

Именно поэтому так много говорили здесь о том, что институту необходим лидер. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

...В первом же туре голосования директором был избран А. Адамович.

В. ИВАНОВА.

ТРУДНОЕ ДЕЛО — ВЫБИРАТЬ ДИРЕКТОРА

«Еще два-три года назад и представить себе не мог подобного собрания». Да не только изидиеты, весь институт, все почти сорокадцать человек держали сегодня экзамен на демонстрацию. Поэтому что не так-то легко сказать в глаза коллеге, которого знаешь не один десяток лет, четко и ясно слово несогласия. А потом в это выборах виновны не только для каждого (и здесь требуетя через соображения своего личного благополучия) и не только для института в целом, и для всего нашего искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил отпуск и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

искусства.

И потому в выборах участвовали и те, кто окончил бакалавриат. Человек широкого профиля, способный выглядеть дальше профессиональных проблем, открыть новые горизонты. Заставить каждого сотрудника поверить в свою

Вехи огненных лет

1941

24 июня в «Известиях» публикуется стихотворение В. М. Лебедева-Кумчика «Священная война». В тот же день руководитель Красно-знаменного бисмайльской песни и пляски А. В. Александров пишет музыку к «Священной войне». 26 июня песня исполняется на Белорусском фронте перед воинами, отправляющимися на фронт.

На второй день войны ушли из фронта сотни актеров Москвы и Ленинграда. 53 театральных работника Харьковского театра юного зрителя имени Горького, 40 актеров Киевского театра имени И. Франко, 36 театральных работников Театра имени Зиновьевской. На острове Эдель «Смертная группа» актеров Театра Балтийского флота вступила в ряды морской пехоты.

Июнь. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) организован Союзинформбюро, в сообщения которого рассказывается о действиях на фронтах Отечественной войны. Возникает новое формирование — «Огонь ТАСС». В плаваниях «Огни ТАСС», — «На защиту Москвы!», «Отбрась арага», «Изгнать врага с советской земли» — художники-плакатисты призывают подняться на борьбу с захватчиками. В «Огнях ТАСС» сотрудничали Кукаринский, В. Ефимов, М. Черемных, Б. Ногайсон. Только за первые дни войны на улицах Москвы было расклеено 1,5 миллиона плакатов и листовок.

В «Правде» публикуются первые очерки А. Толстого «Что мы защищаем» и И. Эренбурга «Что несут фашисты». Более тысячи писателей и поэтов вступили в действующую армию в качестве военных корреспондентов центральных газет, радио, Союзинформбюро, газет фронтовых, армейских, в танках партизанских соединений. Самые трепеты из них пали смертные храбрых.

В годы войны были созданы такие выдающиеся произведения, как «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Русские люди» и «Дни и ночи» К. Симонова, «Взятие Беломорска» Л. Пескова, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Бородянка», «Бородянка и ко...»

Август. На экраны столиц выходят первый бойевой киносборник «Победа за нацию».

Сентябрь. Киев. Киевский музей западного и восточного искусства открывает выставку, посвященную борьбе с фашизмом.

Ноябрь. Поэт А. Сурков пишет письмо в стихах: «Быть в тесной почурке огня...». В начале 1942 года на эти стихи композитор К. Листов сочиняет музыку. Появляется одна из известнейших песен военных лет «Земляки».

1942

9 января. Куйбышев. Собираются об окончании работы Дмитрия Шостаковича над Седьмой [Ленинградской] симфонией.

15 февраля. Вышел на экраны первый полнометражный документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой».

5 марта. Первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича в Куйбышеве. 9 августа — премьера симфонии в осажденном Ленинграде.

За годы войны на фронтах побывали 3.800 театральных, концертных и фронтовых бригад, имевших в своем составе 45 тысяч работников искусств. Более 2.500 художественных бригад были созданы театрами союзных республик и периферийными театрами РСФСР.

Май. Тульская область. В Ясной Поляне открывается восстановленный после изгнания оккупантов Музей-садеба Л. Н. Толстого.

Июнь. Ленинград. Открыта передвижная выставка эскизов, картин, плакатов, посвященная горюческой обороне Ленинграда.

1941

МЫ РОДОМ

Алексей Толстой

Голос народный

...Война открыла новый этап, новый период советской литературы. Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, гротеск войны должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель оконную. Но воюющий народ, находясь в себе все больше и больше нравственных сил и гражданской и бесподобной борьбы, где только победа или смерть, — все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высокую художественную форму и ту тождественную меру, которая свойственна народному

искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого.

Все устремление советской литературы сейчас — подняться до уровня моральной высоты и германских дел русского воюющего народа. Литература наших дней — подлинное народное и нужное всему народу высокое гуманистическое искусство. Оно кротко идет на пользу. Это поэма Твардовского «Василий Теркин», стихи Симонова, Исааковского, Сельвинского, Суркова, Эренбурга, сатиры Марциана, ленинградские рассказы Николая Тихонова, рассказы Николая Соболева, Паустовского, очерки Бориса Гребенщикова, повести и очерки Василия Гроссмана, покоряющие воинов на фронте.

Константин Симонов

Жди меня

Жди меня, я в верпус,
Только очень жди,
Жди, когда находит грусть
Желтыми дождями,
Жди, когда снега летят,
Жди, когда жара,
Жди, когда другие не ждут.
Позови вечера.

В рядах действующей армии, среди воюющего советского народа, находятся деятели советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очерклистов, журналистов. Помимо непосредственных задач борьбы, они проходят ту суровую школу художественного опыта, которая, при наличии трех основных слагаемых нашей литературы — социалистической идеальности, народности и многогранности, обуславливает ей мировое будущее.

Следует отметить, что

Поликова, военные рассказы непрофессиональных писателей, подписанные майорами или полковниками, «Радуга» Ванды Васильевской и многое другое.

...В рядах действующей

армии, среди воюющего

советского народа, находятся деятели советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очерклистов, журналистов. Помимо непосредственных задач борьбы, они проходят ту суровую школу художественного опыта, которая, при наличии трех основных слагаемых нашей литературы — социалистической идеальности, народности и многогранности, обуславливает ей мировое будущее.

Следует отметить, что

ИЗ ОКТЯБРЯ 1945

● Герой радовой Мирошниченко играет на скрипке для бойцов Южного фронта.

● Лидия Русланова. Концерт у рейхстага.

● Роман Каргигин в поверженном Берлине.

- Кадр из фильма «Малышка».
- Б. НЕМЕЦКИЙ. «Батя».
- Кадр из фильма «Два бойца».
- В. ИВАНОВ. «На зовад».
- П. КОРНЯ. Портрет маршала Г. К. Жукова.

Александра Яблочкина

Мы все гордимся вами...

«...Я хочу рассказать о своей переписке с теми героями, которые своим беспримерным подвигом в борьбе за Родину возвелили ее вечный памятник!»

Через посредство газеты я узнала адреса бойцов, сражавшихся в тех воинских частях, куда Малый театр послал свою подарки... Я написала два письма: одно на определенную фамилию, в другое с обращением тому, кому оно попадет. Глубокую радость и громадное нравственное удовлетворение испытала я, получив возможность обратиться к защитникам нашей Родины с ласковыми строками ордена

Виктории старейшины Артистического Московского ордена

Ленина Малого театра, и я

хочу, родной мой боец-герой,

обнять вас как мать, а то и ба-

ушкинка, и сказать: дерьмь,

сыночек, твоё дело славное, пра-

вое! От всего сердца я буду

жалеть тебе, дорогой сыноч-

ек, и всем нашим героям-боякам,

жизни, славы, неизменного

счастья и победы! Если у те-

бя нет матери, дай мне об-

нять тебя за нее. Будь здо-

ров и невреди! Сердечный

привет всем твоим товари-

щим!..

Александра Яблочкина...

...И вот я получила первый

ответ из свое письмо от групп

политических работников

армии.

Артисты стали бойцами

«Вопрос актера на роль Сванидзе был решен сразу. Кто-то сообразил, что Сванидзе — Альберт Азаров, а вокруг Дзюбина завязалась настоящая война. Постановщики фильма Л. Лунаев устроили на роль Сванидзе Илью Копалина. Проблема решена!..»

Проблема шла в течение двух недель. Признались, в этом соединении и принял участие без всякой надежды на успех, а также вспомнили о фильме «Сванидзе».

Позже Лунаев объяснил, почему он выбрал меня. На эту роль можно было взять уже известную мне актрису из театра. Но как раз те индивидуаль-

ные качества, которые я имела, мне не подходили.

Помимо от усталости и изнеможения, отчаяния и страха, я

вспомнила, что я сама — бывшая актриса, а также то, что я

была женой актера Ильи Копалина.

Деница меня вспомнила испытанным возгласом: «Вони, какие вы бойцы! Тебе сделали!» Вспомнила и Лунаев, увидев меня на съемке: «Наконец-то нашли!»

Сейчас характерность могла «за-двинуть» образ Дзюбина. Нужен был актер, прежде малоизвестный.

Сразу же после проб у нас с Альбертом началась настоящая солдатская жизнь. Мы получали солдатские пакеты, на которых были напечатаны фотографии бойцов, с которыми мы общались.

Я ходила по госпиталям, искала юнцов, чтобы учиться их диалекту, подружиться с полоритинским балалайка-цем и лютнистом моряком. И все-таки образ не получился.

Помимо от усталости и изнеможения, отчаяния и страха, я

вспомнила, что я сама — бывшая актриса, а также то, что я

была женой актера Ильи Копалина.

«Разгром немецко-фашист-

ской армии, а я обдумывала

свою вторичную просьбу к во-

енному: отправить меня на

фронт!.. Страшно, как глупо

было тогда думать о том, что я

буду сражаться с врагом!..

Сейчас я сражусь с врагом!

Сейчас я буду сражаться с

ВДРУГ выяснилось, что о нем давно уже всерьез почти не писали — театральные во всем случае. Он стал одной из тех деяний именитостей, к которым обращаются с просьбой «выскажаться на тему». Он был обязательным гостем газетных полос праздники Победы — фронтовик. Охотно давал интервью — популярный, знаменитый даже актер. Но не вызывал (или не откликался) на большой серьезный разговор о себе самом, о своем театре, о театре вообще.

За последние десять лет на сцене сыграло всего несколько ролей: Хлудов в булгаковском «Белеге». Судаков в «Гнезде глупаря» В. Розова, Гавея в «Вишневом саде». Еще, кажется, пожарный в заслуженной малозвестной работе Г. Горина и А. Шваринит «Концерт для театра с оркестром» и кто-то из родственников в комедии А. Смирнова «Родицкие мон». Если память не подводит — все.

О его игре подробно и уважительно писали в

Нет, не будет ни обстоятельного изложения творческого облика, ни торопливого репортажа. Будет другое.

Напробуем вместе вспомнить то, что о Папанове знал практически каждый. Оставил впечатление на искусствоведов и простых поклонников. Сейчас — на разных. Всенощная популярность Папанова позволяет предположить, что именно общезвестное и есть самое главное.

НЕСМОТРЯ на огромное количество кино- ролей (был в его жизни первым, когда за четыре года сыграл в 14 фильмах), Папанов — актер прежде всего театральный. Что мы вкладываем в эти слова? Во-первых, умение строить роль не по эпизодам, не по кардам, а всю сразу, оставляя главное под конец, под естественным финалом живого разногласия. Во-вторых, обладая он редкой способностью «подавать» роли, играя так, словно его должны были видеть с последних рядов галерии. Это могло

рецензиях, но на портрет, на размытие об актере не выходит. Все было заранее предсказано, однозначно хорошо. Не было темы, неожиданного поворота в судьбе, заманчивой новизны в актерском почерке. Слишком удобно было, а иная там писать не о чём.

Тему дала смерть. Звучит это страшно, но это на самом деле так. Завершилась биография. Сыграв все роли, прожита жизнь — есть нравственная обязанность подвести итоги.

И тут обнаруживаются замыкость и неопределенность наших представлений. То, о чем велича за недоступ и излишней простотой не думали, сегодня не поддается выражению.

Анатолий Дмитриевич Папанов — один из немногих народных артистов, для которых типично, официальное слово «народный» сохраняет свой естественный смысл. Всегданичное, не определимое до конца понятие «национальный харизмат» — оно входит отчужденное и живое выражение, когда говоришь о Папанове. Одно из своих выражений, конечно. Не самое глубокое и не самое объемное — но, как ни парадоксально, важнее именно своей «не-глубиной», своей, если хотите, «агегеничностью». Генезисность подразумевает исключительность. Сила Папанова и один из истоков общей любви к нему — в его задушевной обыкновенности. Он был соразмерен зрителю — ему можно было, что называется, заглянуть в глаза: со зрителем.

Трудно подобрать винтиль: какой актер? Трудно обозначить манеру игры. При стабильности, при отчетливости почерка, при абсолютной узнаваемости — удивительно разнообразен. От отставного подполковника в «Берегине автомобилей» до генерала Хлудова ведь расслаблене не меньше, чем от Юрия Деточкина до Сальери. Но речь не только о диапазоне ролей — о способе игры. Размахистая, крупная жест, сильные яркие краски, заостренная минима: это Папанов. Тонкая драматическая волна, изложестное удивление на лице, неожиданный в широком и коротком человеке сенситивность — это тоже Папанов. Великолепный буффон — да, но в то же время артист, в самой природе которого заложено страдальческое восприятие жизни.

В скромном будущем, позерное, появятся обстоятельные работы, где все, что успел сделать Папанов, будет подробно изучено и засвидетельствовано с должной объективностью. Сейчас писать о нем «с точки зрения исторической справедливости» — трудно. Хочется душевного, искусствоведческого разговора. Но и выжимать слова из друзей и близких («живые подробности жизни», «живые подробности смерти»), человека, некорочно как-то. Говорят, читатель это любит — не уверены. Кто же любит, когда у него на глазах умирают хорошие люди?

выглядеть нажимом. Не выглядело. Есть особая естественность талантливого театрального преувеличения.

Так что не случайно окончен именно ГИТИС. Не случайно сразу после окончания и до последнего дня — театр, не случайно с 1949 года — Театр сатиры, Детство, фронт, театр — вот и вся жизнь.

В Театре сатиры редко бывает спектакль без антракта, но и Папанова есть специально. Это важно помнить, ведь антракт — это розы. Популярность Театра сатиры вызывает и удовольствие, и удивление. Особый театр. Раньше здесь играли Доронин, Лепко, Хенкин (их партнером, а вернее учеником был Анатолий Дмитриевич), — сегодня мы знаем иной коллектива. Любимицы, таланты, но как бы воспринимаемые сквозь призму развлекательной телепрограммы: особый стиль, особые правила игры, отзывающиеся даже в серьезных и содержательных работах последнего времени. Обособлять сегодня Анатолия Папанова, пытаться принести ему исключительную роль человека,ознательно противоречившего привычной легковесности в театре, было бы не очень честно. И лучшие актеры этого театра включались порой в эту игру со зрителем.

Но он свой театр любил. Часто говорил и писал об этом. И менять его ни на какую другую не стал бы. Театр — дом. Так казалось всем.

Театр сатиры — театр зафиксированного успеха. Здесь нечасто возникает неожиданность в отношениях режиссера и актера, актера и персонажа. Нет энергии сопротивления, нет мучительной ломки, но, стало быть, редки те неожиданные открытия, ради которых «ломку» и затевают.

Театрального актера Папанова «ломали» и «отирали», возможно, меньше, чем всенародно. Это важно помнить, что в Театре сатиры, в «Берегине автомобилей» — оно было для хорошего человека уважение и труду — и чужому, и своему собственному. К любому труду. Известно, как актеры относятся, к примеру, к солнышкам поездкам по периферии и творческим встречам (если не в Останкине, а где-нибудь в районе клуба). Спасибо тем, кто делает это хотя бы добровольно. Не халтурят. Папанов эти встречи, кажется, действительно любил. Пел со сцены «Я водяной, я водяной...», рассказывал анекдоты из жизни Волка и Зайца, пересказывал страстей стареющие побеседы. Он знал, что любят его не только за Серпухину, «Отчий дом», «Приходите завтра», «Случай для творчества» — за «казака с чаем», за «ну, чумака, погоды» — за галерею комических тяжеловесных проходчиков и железнодорожных глачев. И любил быть любимым, и этой простой, неизыскательной любви никако не стеснялся. Может быть, сейчас ее даже больше, чем комплименты искушенных знатоков. И поэтому, наверное, не считалась с тем, что дорого платят за остроту и ярость масок — готовы были платить и глубиной, и отказом от неожиданных самовыражений. По-настоящему глубоких ролей у него в этом кругу героев и не было, как известно. За исключением одной — роли тестя в «Берегись автомобилей».

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Папанов бывал только в ранних своих работах, когда собственное лицо еще не было найдено.

Но все же он глотнул воздуха чистого, чеховского. Это могло бы стать началом нового пути, могло бы обнаружить нового Папанова. В нем жило естественное для хорошего человека уважение и труду — и чужому, и своему собственному. К любому труду. Известно, как актеры относятся, к примеру, к солнышкам поездкам по периферии и творческим встречам (если не в Останкине, а где-нибудь в районе клуба). Спасибо тем, кто делает это хотя бы добровольно. Не халтурят. Папанов эти встречи, кажется, действительно любил. Пел со сцены «Я водяной, я водяной...», рассказывал анекдоты из жизни Волка и Зайца, пересказывал страстей стареющие побеседы. Он знал, что любят его не только за Серпухину, «Отчий дом», «Приходите завтра», «Случай для творчества» — за «казака с чаем», за «ну, чумака, погоды» — за галерею комических тяжеловесных проходчиков и железнодорожных глачев. И любил быть любимым, и этой простой, неизыскательной любви никако не стеснялся. Может быть, сейчас ее даже больше, чем комплименты искушенных знатоков. И поэтому, наверное, не считалась с тем, что дорого платят за остроту и ярость масок — готовы были платить и глубиной, и отказом от неожиданных самовыражений. По-настоящему глубоких ролей у него в этом кругу героев и не было, как известно. За исключением одной — роли тестя в «Берегись автомобилей».

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ черта почти всех его герояев — простодушие. Ценность этого человеческого качества с годами становилась все сомнительнее, прокричала в конкурении с оборотчивостью и расчетом. Оттого, наверное, и пришелся к себе Папанов, что сознательно или нет не замечал «персона». Простодушен и этим симпатичен даже Лелли из «Бриллиантовой руки». Простодушен его замкнутый, как бы занесировавшийся Дубинский из «Белорусского вокзала». По-особому простодушен его Серпухин. Простота, равная интеллектуности, равная мудрости и добродетели. Этот образ приносил не просто успех. Его погляди, погляди в глаза! В роли генерала Серпухина Папанов выдержал экзамен не только на блестящего драматического актера — на Человека, на Современника.

Наверное, в нем не было мощи. Была сила — не титаническая, всесмогущая, а очень человеческая. Сила нестолько, чтобы никогда не быть абсолютным победителем. Мужическое ядовитое пламя, следившее его Хлудову, отыгрывало как нечто более теплое и общепонятное. Может быть, сейчас ее даже больше, чем комплименты искушенных знатоков. И поэтому, наверное, не считалась с тем, что дорого платят за остроту и ярость масок — готовы были платить и глубиной, и отказом от неожиданных самовыражений. По-настоящему глубоких ролей у него в этом кругу героев и не было, как известно. За исключением одной — роли тестя в «Берегись автомобилей».

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «заклеймы антиискусственную» сущность подобных «демагогов в шапках» (мы цитируем книгу «Автобиография Папанова», надписанную пятнадцать лет назад). Папанов произнес все это, мало сказать, искренне, — вдохновенно. Вместо демагога — человек, абсолютно убежденный в своей правоте: всегда, при любых обстоятельствах. Его нельзя было назвать нечестным человеком...

Халупы и мулязи с кашаринной выправкой (отставники в 60-е годы, надрывки в 50-е), с его «кукушкиной», с его «тебя посыдают, а ты не воруй!», был, наверное, самой социально точной фигурой в этой образцовой киноэпопее. И как ни крути — цельная натура. Неожиданно провозглашенное им в зале суда «Свободу Юрию Деточкину!» легко было понять как самохранительную реакцию, как фальшивую «позбузы» из-за справедливости — может стать, она так и планировалась, чтобы Папанов как-то подыбодил «з

